

смягчалась – и, когда настало время выпустить из заточения первого узника, она сразу же водворила на его место второго. Затем та же участь постигла и третьего, которого звали Вальнебон,³⁷⁰ а вслед за ним еще двоих или троих, которых точно так же подвергали этому сладостному заточению.

Так продолжалось довольно долго, и графиня была до того хитра, что ни один из придворных ничего не знал обо всех остальных. И несмотря на то, что каждый из них замечал, что другие увлечены графиней так же, как и он, каждый считал себя единственным счастливым, обладающим всем, чего хочет. И каждый втайне подсмеивался над товарищем, считая, что от того это счастье ускользнуло. Однажды, когда все эти молодые люди собрались вместе на торжественном празднестве, где их хорошо угощали, они стали вспоминать былые удачи и неудачи, войны и тюрьмы. И тогда Вальнебон, которому не терпелось рассказать о великой удаче, выпавшей на его долю, сказал своим товарищам.

– Не знаю, в каких тюрьмах сидели вы, но у меня было одно заточение, которое так мне понравилось, что я теперь всю жизнь буду восхвалять все другие, – и, по-моему, нет такой радости на свете, на которую бы я променял этот плен.

Астильон, который был первым, кто испытал это заточение, начал догадываться, о какой тюрьме он говорит, и спросил:

– Скажи мне, Вальнебон, кто же был твоим тюремщиком или тюремщицей и кто так хорошо обходился с тобой, что заставил тебя полюбить твое заточение?

– Кто бы ни был этот тюремщик, – отвечал Вальнебон, – заточение мое было мне так приятно, что я был бы рад, если бы оно длилось еще дольше, ибо никогда со мной не обращались так ласково и нигде я не чувствовал себя счастливее.

Дюрасье, человек не особенно разговорчивый, отлично понял, что речь идет о той самой тюрьме, в которой и ему, как и всем остальным, довелось побывать, и спросил Вальнебона:

– Какими же яствами тебя потчевали в узилище, которое ты так расхвалил?

– Какими яствами? – переспросил Вальнебон, – Да у самого короля нет ничего вкуснее и сытнее того, что я там отведал.

– Мне хочется еще узнать, – сказал Дюрасье, – хороша ли была та работа, которую тебя заставляли делать, чтобы ты не даром там ел свой хлеб?

Вальнебон, сообразив, что тайну его разгадали, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

– Бог ты мой! Да неужели же там, где я считал себя единственным избранныком, у меня, оказывается, есть товарищи?

Астильон, слыша разговор о приключениях, в которых и он принимал участие, как и все остальные, сказал смеясь:

– У всех у нас один господин! С детства мы все товарищи и друзья! Поэтому раз уж мы оказались участниками общего дела, нам остается только над всем этим посмеяться. Но, чтобы удостовериться в том, что подозрения мои справедливы, позвольте мне обо всем вас расспросить и, прошу вас, говорите одну только правду, ведь если действительно со всеми нами произошло то, что я думаю, то это такая забавная история, какую и за тысячу лье не сыщешь.

Товарищи его поклялись, что будут говорить только правду, ибо скрыть ее уже было нельзя.

– Я расскажу вам, что приключилось со мной, – сказал Астильон, – а вы будете лишь говорить «да» или «нет», смотря по тому, так или не так было и с вами.

Все согласились, и тогда он начал:

– Я попросил короля отпустить меня, сказав, что мне надо поехать по делам.

– И я, и я тоже! – воскликнули его друзья.

– Отъехав на расстояние двух лье от дворца, я оставил всех моих слуг и вернулся для того, чтобы сесть в тюрьму.

– И я, и я! – закричали все.

– Неделю или больше я пребывал в заточении, – сказал Астильон, – и жил в гардеробной, где меня кормили самой укрепляющей пищей и потчевали такими яствами, каких мне раньше никогда не доводилось испробовать. Когда же те, кто меня держал, надумали меня выпустить, я почувствовал, что за это время очень ослаб.

³⁷⁰ Вальнебон – Жермен де Бонневаль, приближенный Карла VIII, Людовика XII и Франциска I; убит в 1525 г. в битве при Павии.